

Сун Цзиньчэнь терпеть не мог, когда кто-то плакал. Слезы, по его мнению, были уделом слабаков, оказавшихся в безвыходной ситуации. В этот момент в его душе вспыхнули лёгкое раздражение и презрение. Однако Чу Юй, стиснув зубы, не издал ни звука, его вид выражал крайнюю степень сдержанности, что заставило Сун Цзиньчэня вспомнить об одном утверждении. В университете он изучал финансы, но также интересовался психологией, хотя и ограничивался чтением таких произведений, как «Три очерка по теории сексуальности». Там упоминалась концепция, согласно которой девушка испытывает особую привязанность и агрессию к первому мужчине, с которым вступает в интимную связь.

Этот мальчик, несомненно, где-то пострадал, а он, Сун Цзиньчэнь, был его первым мужчиной. Чу Юй бессознательно искал в нём опору.

Наконец Сун Цзиньчэнь понял странную и противоречивую логику поведения Чу Юя. В этот миг он словно обрёл новую цель в своей скучной жизни — этого жалкого, но красивого маленького монстра. Если бы тот мог подчиниться ему как телом, так и душой, это стало бы куда более интересным занятием, чем изо дня в день заниматься грязными делами ради денег.

— Не плачь, — мягко провёл рукой по щеке Чу Юя Сун Цзиньчэнь. — Кто тебя обидел?

Чу Юй напрягся, дрожь пробежала по его телу, и он действительно успокоился, хотя по-прежнему молчал. Сун Цзиньчэнь наклонился, поцеловал его глазницу, влажную от слёз, затем кончик носа. Чу Юй поднял голову и сам подставил свои губы.

Сун Цзиньчэнь расстегнул манжеты рубашки, открыл стеклянную дверцу винного шкафа и с самой верхней полки выбрал бутылку вина со сладковатым вкусом, поставив её в заранее подготовленное ведро со льдом.

Чу Юй, испытывая жажду, невольно облизнул пересохшие губы. Сун Цзиньчэнь этого не заметил, похлопал его по спине, предлагая пойти вместе в душ:

— После душа вино как раз охладится.

— Я уже мылся, — ответил Чу Юй.

Он не был полностью не готов, но, боясь испортить настроение Сун Цзиньчэню, смущённо вжал голову в плечи.

Сун Цзиньчэнь погладил его по шее, где под кожей проступали косточки, не стал настаивать, легко шлёпнул и отошёл.

В ванной зашумела вода. Чу Юй, томясь от скуки, открыл бутылку. Вино было кисло-сладким, с лёгким древесным ароматом. Раньше, выпивая с приятелями, он мог осилить шесть больших бутылок пива, поэтому не придавал значения этому сладкому, почти соковидному напитку. Но чем больше пил, тем вкуснее становилось, и вскоре он одним махом осушил больше половины

бутылки.

Когда Сун Цзиньчэнь вышел, похмелье ещё не наступило. Чу Юй сидел на диване, в глазах у него немного двоилось, но сознание было ясным. Когда же он встал, всё пошло наперекосяк — закружилась голова, и он едва не рухнул на пол.

— Сколько ты выпил? — Сун Цзиньчэнь провёл рукой по мокрым волосам, зачёсывая их назад, взглянул на бутылку и фыркнул: так, осталось всего пару глотков.

Чу Юй положил подбородок на столик, пытаясь достать кубики льда. Его лицо горело, даже веки были горячими, а в голове крутилась мысль о том, что ему предстоит лечь с Сун Цзиньчэнем, отчего между ног тоже стало жарко.

Сун Цзиньчэнь вылил остатки вина, сделал глоток, но оно оказалось приторно-сладким. Не допив, он опрокинул бокал, и рубиновые капли окатили с головы до ног Чу Юя, сидевшего на ковре.

Бледно-розовая жидкость стекала по вискам Чу Юя, с коротко стриженных волос, и, собравшись у подбородка, капля за каплей падала на ковёр, оставляя тёмные пятна. Чу Юй широко открыл рот, словно задыхаясь, опустил голову и увидел, как вино стекает по его груди, исчезая за поясом брюк.

Ему дали кубик льда, который Сун Цзиньчэнь держал в руке. Сначала он просто лизал его, губы стали ярко-красными от холода, затем начал медленно посасывать, и вот уже холодные губы обхватили кончики пальцев Сун Цзиньчэня, и он смутно прошептал:

— Папочка.

Сун Цзиньчэнь был доволен. Чу Юя подхватили под мышки и отнесли на кровать. Широкие, сухие ладони с лёгким ароматом мужского лосьона коснулись его кожи, холодный поцелуй опустился на крыло носа — во рту у Сун Цзиньчэня тоже был кубик льда, и он прикладывал его к горячей коже Чу Юя, словно прожигая.

— Такой послушный? — Сун Цзиньчэнь раздвинул ноги Чу Юя, выплюнул наполовину растаявший лёд в ладонь и приложил его к промежности, уже порозовевшей от жара. — Малыш, приятно? Повтори ещё раз.

Чу Юй лежал, раздвинув ноги, как будто связки были разорваны. Его розовое лицо напоминало спелый персик, в уголках губ засохли сладкие розоватые следы. Сун Цзиньчэнь лизнул их, и Чу Юй в ответ высунул кончик языка, одновременно извиваясь бёдрами, пытаясь дотянуться до ласкающей его руки:

— Папочка... Папочка... Жарко...

Сун Цзиньчэнь наклонился, его тёплый язык обхватил всю промежность, медленно и сильно провёл несколько раз. Чу Юй закричал, извиваясь бёдрами. Прямой нос раздвинул его сомкнутые половые губы, язык скользнул по складкам, тщательно вылизывая. Сун Цзиньчэнь был мастером в любовных утехах, знал множество уловок. Чу Юй сходил с ума от удовольствия, его ягодички с силой терлись о простыню. Сун Цзиньчэнь раздвинул его половые губы как можно шире, язык водил туда-сюда, пока клитор не припух, и тогда мясистая дырочка обнажилась, сжимаясь и разжимаясь в такт волнам сладостно-щемящего удовольствия.

Палец скользнул по влажным половым губам, набрав влаги, медленно, но неумолимо вошёл внутрь. Внутри было по-прежнему тесно, но очень влажно, гораздо легче, чем два месяца назад.

Чу Юй чувствовал пустоту внутри и в душе. Он хрипло и слабо звал:

— Папочка... Папочка...

Голос подростка, с лёгкой хрипотцой, подобной пузырькам газировки, обладал странно возбуждающим, невыразимо соблазнительным эффектом. На висках Сун Цзиньчэня вздулись вены. Он взял член, прижал головку к малым половым губам Чу Юя, скользя и надавливая, пока под ягодицами не образовалась мокрая лужица, а горячая жидкость не потекла ручьём. И тогда он вошёл, заполнив его до отказа.

— Х-ха... — Чу Юй тихо задыхался, попытался приподняться и перевернуться, но его схватили за запястье, заставив сесть, и член вошёл ещё глубже. Руки мужчины скользнули по ягодицам, сжимая и раздвигая их, придавая телу удобную для вторжения позу. Чу Юй скрестил тонкие запястья на шее Сун Цзиньчэня, спрятав лицо в сгибе локтя, и в полумраке увидел, как их тела переплелись, чёрные лобковые волосы скрывали место, где его насквозь пронизывал и растягивал член.

— Приятно? — заговорил Сун Цзиньчэнь, его грудь вибрировала, словно от гула. — Скажи папочке, как тебя зовут?

— Больно... М-м... — Чу Юй покачал головой, затем беспомощно кивнул. — Чу Юй.

Прошло два месяца, и мелкие трещинки внутри зажили. Член, вошедший в него, был куда толще и твёрже пальца, пульсировал, будто живой, пульсировал и набухал, и Чу Юй боялся, что разорвётся изнутри, от страха заплакал. Не успел он как следует вдохнуть и подготовиться, как Сун Цзиньчэнь, сжав его ягодички, начал двигаться быстро и сильно. Венчик члена выскребывал из недр влагилицы нескончаемые потоки смазки, взбивая у промежности мелкую, рваную белую пену.

Чу Юй закричал на высокой ноте, его руки, словно когти, бешено царапали плечи и спину мужчины.

— Малыш, какой иероглиф «Чу»? «Чу» с деревьями? — По сравнению с неопытным юнцом,

впервые познающим плотские утехы, Сун Цзиньчэнь выглядел спокойным и уверенным.

Чу Юя трахали так, что он забыл, где восток, где запад, и уж тем более не помнил, как его фамилия пишется. Из его рта, кроме стонов, не вырывалось ничего внятного. Тогда Сун Цзиньчэнь ущипнул его клитор и начал быстро вращать пальцем. Чу Юй от наслаждения не мог даже кричать, лишь бессильно подрагивал бёдрами, а красная, размером с большой палец, головка его члена выскочила наружу, истекая каплями молочно-белой спермы.

Сун Цзиньчэнь отпустил его и, вцепившись в бёдра, начал яростно трахать, тяжело дыша, как зверь, словно от Чу Юя осталось лишь одно влагалище, способное поглотить семя.

Его полные половые губы напоминали другие симметричные, мясистые органы вроде пухлых губ или тяжёлой груди, — тот развратно-спелый цвет, который никогда не изобразили бы на обнажённой натуре. Они лукаво сжимали основание члена, не давая ему полностью войти, но и не позволяя выйти мужчине, который его трахал, так что тот готов был умереть в этой горячей, сочной, тесной дырочке, похожей на жидкий желток.

Мошонка шлёпала по его ягодицам, оставляя красные следы, и внутренности в ответ судорожно сжимались. Рука Сун Цзиньчэня выкрутила на ягодицах Чу Юя огромный красный синяк, мышцы на шее напряглись, и он, кончив внутрь, рухнул на тело Чу Юя.

Сун Цзиньчэнь лёг на мягкий и плоский живот Чу Юя, провёл пальцем по набухшим, покрасневшим от трахания половым губам. Маленькая дырочка сжималась и разжималась, выталкивая густую сперму с розоватыми прожилками крови, которая скапливалась под ягодицами в похотливую лужу.

Он обожал эту уродливую дырочку маленького монстра.

<http://bllate.org/book/15448/1370453>